

Пушкинские стихотворные цитаты в критических статьях Н.Н. Стрхова

Н.В. Цветкова (Псков)

Проблема цитаты в критической статье¹ малоизученная, а цитаты в критических статьях Н.Н. Стрхова до настоящего времени вообще не являлись предметом исследования. Хотя стихотворные цитаты из Пушкина - характерная черта его самых значительных сочинений: книги «Заметки о Пушкине и других поэтах», статей о современной ему литературе.

Обращаясь к вопросу пушкинской цитаты в критических статьях Стрхова, мы несомненно сталкиваемся с двумя проблемами - «чужого слова»² и прозиметрии.³

По замечанию современного исследователя, «стихотворные цитаты как бы концентрируют в себе специфические свойства художественного текста, обладая повышенной эстетической «напряженностью», эмоциональной выразительностью и экспрессией, максимальной «теснотой» образного ряда, большим количеством формально-содержательных уровней. Все это делает, с одной стороны, принципиально невозможной без ущерба для художественного смысла малейшую (даже фонетическую) трансформацию цитаты, с другой - выявляет принципиальную значимость такого искажения для эстетической позиции критика».⁴

В «Заметках о Пушкине и других поэтах» нет следов вмешательства критика в цитируемый пушкинский текст. Эта книга Стрхова, составленная из статей разных лет, в широком смысле посвящена истории русской литературы.

Стихотворные цитаты в книге многочисленны, окружены интересными размышлениями критика о специфике поэтического творчества и теории поэзии. Одна из функций цитаты в книге Стрхова - за ее текстом выявить самое сокровенное в жизни и мире души Пушкина. Не случайно в самой первой главе книги «Несколько запоздалых слов» критик использует в эпиграфе, в цитатах основного текста отрывки их пушкинской лирики 30-х годов, а также из стихов на тему о поэте и поэзии.

Цитатный монтаж из стихотворений «Пророк», «Поэт», «Поэту», «Поэт и толпа», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» воссоздает трагический конфликт Пушкина со своими современниками. Анализируя пушкинские цитаты, Стрхов приобщает читателя не столько к эстетическому впечатлению, сколько к трагическим обстоятельствам жизни Пушкина. «Какая грустная история! - пишет критик. - Прочтите эти стихи, вы не найдете в них ни одного намека на какие-нибудь личные несчастья поэта, на его положение в обществе просто как человека, на притеснения и гонения, которые претерпел он; нет - здесь выступает только одно отношение между поэтом и его читателями, между писателем и публикою»⁵... Мысль о разладе Пушкина со своими современниками проецируется Стрховым на его современность, оставаясь злободневной. А пушкинские цитаты первой главы выявляют идейный замысел всей книги, ее пафос, состоящий в утверждении значения Пушкина в обращении к изучению поэтики его творчества.

Стихотворная цитата в главах книги Стрхова «Заметки о Пушкине и других поэтах», посвященных художественному миру поэта, становится

объемной, прослеживается тот принцип цитирования Пушкина, который был свойственен Белинскому. Подобно Белинскому Страхов комментирует цитату с глубоким проникновением в текст, звукопись, эмоциональный строй, при этом как у Белинского, так и у Страхова возникает диалог художника и критика, раскрывающий личность каждого .

Страхов приходит к выводам о поэтике Пушкина, в главном близким с выводами Белинского (протеизм, связь с предшествующей поэзией XVIII и XIX веков, чистота нравственного чувства в стихах о любви и дружбе, их воспитательное значение и т.д.)

В статьях о современной Страхову литературе функции пушкинской цитаты иные. Необходимо заметить, что в них стихотворные цитаты попадают не только в поле прозаического текста, принадлежащего Страхову, но и соседствуют с цитатами из статей других критиков: Ап. Григорьева, М. Антоновича, Писарева. Такое совмещение можно наблюдать в статьях о романе Тургенева «Отцы и дети», о раннем творчестве Л. Толстого, его романе «Война и мир».

В статьях о современной ему литературе Страхов достаточно часто либо неточно цитирует Пушкина, либо по-своему трансформирует поэтический текст, что никогда не было свойственно Белинскому, но стало приметной чертой статей Добролюбова и особенно Писарева.

Например, в статье о романе «Отцы и дети» Страхов цитирует стихотворение «Поэт и толпа» таким образом:

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки...

.....
Давай нам смелые уроки (181).

Как видно, критик пропускает один стих и перефразирует следующие за ним три. Вместо стихов: «Ты можешь, ближнего любя, / Давать нам смелые уроки, / А мы послушаем тебя» он монтирует одну стихотворную строку: «Давай нам смелые уроки!».

Это сокращение и изменение пушкинского текста не разрушает его смысла и необходимо Страхову для того, чтобы подчеркнуть идейный замысел вступления - выявить характерную черту современности, требующей, по мнению критика, «нравственного обновления... обличения...» (181). Измененная цитата из Пушкина, воссоздающая атмосферу общественной жизни 60-х годов, выступает смысловым эквивалентом всему вступлению.

Ряд неточных цитат из «Евгения Онегина» присутствует в статье «Сочинения гр. Л.Н. Толстого». Все они характеризуют толстовских героев. Например, критик цитирует текст «Казаков» об Оленине: «Оленин был юноша, нигде не кончивший курса, нигде не служивший (только числившийся в каком-то присутственном месте), промотавший половину своего состояния и до двадцати четырех лет не избравший еще себе никакой карьеры и никогда ничего не делавший. Он был то, что называется «молодой человек» в московском обществе»(242). Затем в статье Страхова следует такое продолжение:

«Всякий заметит, что это старая история. Это тот же Онегин, который,

Дожив без цели, без трудов
 До двадцати пяти годов,
 Без службы, без жены, без дел,
 Ничем заняться не умел.»(242)

Сравним с Пушкиным:

До двадцати шести годов
 Томясь в бездействии досуга,
 Без службы, без жены, без дел...

Неточность цитаты обусловлена возрастом Оленина, отличного от онегинского, быть может, влиянием либретто оперы Чайковского, текст которого почти точно соответствует фактам жизни толстовского героя.

Пушкинская цитата в данном случае фиксирует литературную традицию образа, а также определяет место его создателя в истории русской литературы.

Изменение пушкинской цитаты найдем при разборе не только «Казак», но и «Отрочества». Комментируя сцену урока по истории, во время которого Николенька проявляет полное незнание предмета, Страхов от частных наблюдений переходит к общему выводу: «При этом рассказе невольно чувствуешь, что из чужеземной истории, как она у нас до сих пор преподается, нам всего доступнее

Лишь дней минувших анекдоты»(243).

Неточность в цитировании здесь самая незначительная: вместо союза «но» Страхов использует усилительную частицу «лишь», которая стилистически соответствует всему строю предложения, не разрушая его смысла. Введение пушкинской цитаты придает страховскому рассуждению более общий характер, выявляя то в русской жизни, что остается неизменным с пушкинского времени.

Итак, несмотря на замеченные изменения в цитируемых пушкинских текстах, отношение Страхова к цитате из Пушкина проникновенно уважительное, что глубоко отличает его, например, от Писарева. Анализируя приемы деформации текста стихотворения «19 октября» в статье последнего, современный исследователь замечает их главные функции: «разрушение цельности произведения», а также «включение стихотворной строки в пошлую бытовую ситуацию», которое «убивает художественную мысль». ⁶ Подобный эксперимент прослежен исследователем при обращении Писарева к тексту пушкинского «Поэта».

Характер диалога Писарева с творчеством Пушкина - борьба, Страхова - гармония, пиетет. Для Страхова, ученика и последователя «органической» критики Ап. Григорьева, Пушкин - «наше все», величина абсолютная и вечная, обновляющаяся в творчестве современных ему поэтов и писателей. А пушкинская цитата - знак вечной истины и литературной традиции.

Значение стихотворной цитаты из Пушкина в статьях Ап. Григорьева и Страхова можно сравнить со значением «авторитарного слова», о котором в применении к роману писал М.М. Бахтин: «Авторитарное слово - в далекой зоне, органически связано с иерархическим прошлым. Это, так сказать, слово отцов. Оно уже признано в прошлом». ⁷ Но в статьях этих критиков «авторитарное слово» является одновременно «внутренне убедительным», потому что «ему принадлежит определяющее значение в процессе идеологического ста-

новления индивидуального сознания: для самостоятельной идеологической жизни сознание пробуждается в окружающем его мире чужих слов».⁸

Благодаря пушкинской стихотворной цитате в эпоху «разрушения эстетики» цикл страховских статей о романе «Война и мир» обретает тот же пафос утверждения литературных традиций Пушкина, который был свойственным статьям Ап. Григорьева. Не случайно в них рядом с пушкинской цитатой обширные выписки из его статей.

Традиции Пушкина в романе Толстого обозначены в самом начале первой статьи: «Простые предметы занимают в «Войне и мире» также много места, как, например, в «Евгении Онегине» бессмертное описание жизни Лариных, зимы, весны, поездки в Москву и т.п.»(265) Дальнейшее соизмерение художников продолжается с введением цитат из пушкинского «Пророка» и стихотворения «В начале жизни школу помню я...», подчеркивающих, по мнению Страхова, их общее свойство - объективность в изображении героев, их судьбы, «таинственной глубины жизни».

Вторая статья о романе «Война и мир» - самая значительная в осмыслении становления Толстого-художника, посвящена сравнению толстовской эпопеи с «Капитанской дочкой» Пушкина. Развитие главных тем статьи - тенденция художественного развития Пушкина и Толстого, жанровое сходство «Капитанской дочки» и «Войны и мира» - происходит под знаком обширной цитаты из «Путешествия Онегина». Страхов цитирует несколько строк, в которых поэт определил движение своего развития к «поэзии действительности», к темам русской жизни, к «идеалам русской жизни»:

Вообразенью край священный!

С Атридом спорил там Пилад.

Там закололся Митридат.

.....
 .....

Другие дни, другие сны!

Смирились вы, моей весны

Высокопарные мечтанья,

И в поэтический бокал

Воды я много подмешал.

Иные нужны мне картины,

Люблю песчаный косогор,

Перед избушкой две рябины,

Калитку, сломанный забор

.....
 .....

Таков ли был я, расцветая,

Скажи, фонтан Бахчисарая,

Такие ль мысли мне на ум

Навел твой бесконечный шум,

Когда безмолвно пред тобою

Зарему я воображал?⁸

Стихотворная цитата из Пушкина приводится критиком рядом с пространными выписками из статьи Ап. Григорьева 1859 года «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», переводя, таким образом, на язык кри-

тической прозы процесс пушкинской эволюции. Стихотворная цитата в этом случае приобретает значение «символа и эквивалента целого, его метонимического замещения»⁹, не только в отношении к судьбе Пушкина-художника, но и к творческому развитию Толстого - автора романа «Война и мир».

Необходимо отметить также композиционно-организующую функцию пушкинских стихотворных цитат в критических статьях Страхова. Например, в первой статье о романе «Война и мир» приведенные цитаты из стихотворений «В начале жизни школу помню я...» и «Пророк» определяют главные выводы заключения. Во второй статье о романе Толстого как продолжающем пушкинские традиции, об эволюции этого художника цитата из «Путешествия Онегина» является ее кульминацией. В статье о пятой и шестой книгах романа «Война и мир» цитата из стихотворения «Поэт и толпа», приведенная во вступлении, определит идейное содержание основной ее части.

Важнейшую композиционно-организующую роль стихотворные цитаты из Пушкина играют в статье о романе «Отцы и дети». Они появляются во вступлении и заключении, обрамляя спор критика с Антоновичем, автором статьи «Асмодей нашего времени» и Писаревым, автором статьи «Базаров».

Главная тема вступления - современное состояние общества, отношение художника со своими современниками, она развивается под знаком пушкинских цитат из стихотворений «Поэт и толпа» и «Из Пиндемонти». Первая измененная цитата из Пушкина - монолог толпы из стихотворения «Поэт и толпа», ее автохарактеристика:

Мы малодушны, мы коварны и т.д.

Функция цитаты, как было отмечено, - воссоздать дух эпохи 60-х годов, главными лозунгами которой явились требования общественного служения художника, подчинения его интересам современности. Углубляя и развивая тему художника, Страхов обращается к цитатам стихотворения «Из Пиндемонти», выражающим вечную истину:

Не дорого ценю я громкие права,
подчеркивающим самое главное свойство поэта - внутреннюю свободу, свободу от требований современников и современности:

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Вот счастье, вот права!...

Замыкающая вступление цитата из стихотворения «Поэт и толпа» является монологом поэта, выражающим его позицию:

Подите прочь! Какое дело

Поэту мирному до вас?

В разврате каменейте смело,

Не оживит вас лиры глас. (182)

Монтаж из пушкинских цитат, включенный в контекст авторского комментария, выявляет идейно-эстетическую позицию Страхова, для которого Пушкин - символ истинного художника, а цитата из Пушкина - символ вечного. Слово пушкинской цитаты в статье об «Отцах и детях» «авторитарное» и одновременно «внутренне убедительное», утверждает главную тенденцию в споре Страхова с Антоновичем и Писаревым - носителями «слова чужого», выявляя пушкинские традиции, пафос вечного, а не только современного в романе Тургенева, что явилось главным идейным содержанием разборов демократической критики.

Итак, Страхов в статье об «Отцах и детях» выявляет и утверждает то, что относится к области вечного в романе: конфликт, судьба героя, его жизнь, любовь, смерть. Утверждает критик и самое значительное в его авторе: «Тургенев имел притязания и дерзость создать роман, имеющий всевозможные направления; поклонник вечной истины, вечной красоты, он имел гордую цель во временном указать на вечное и написал роман не прогрессивный - и не ретроградный, а, так сказать, всегдашний. В этом случае его можно сравнивать с математиком, старающимся найти какую-нибудь важную теорему. Положим, что он нашел, наконец, эту теорему, не правда ли, что он должен быть сильно удивлен и озадачен, если бы вдруг к нему приступили с вопросами: да какая твоя теорема - прогрессивная или ретроградная? Сообразна ли она с новым (Подчеркнуто Страховым) духом или угрожает старому?

На такие речи он мог бы отвечать только так: ваши вопросы не имеют никакого смысла, никакого отношения к моему делу: моя теорема есть вечная истина (подчеркнуто Страховым).

Увы! На жизненных браздах,
По тайной воле провиденья,
Мгновенной жатвой - поколенья
Восходят, зреют и падут;
Другие им во след идут» (206)

Пушкинская стихотворная цитата, стоящая следом за словосочетанием «вечная истина», семантически равнозначна ему.

Анализ назначения и функции пушкинских стихотворных цитат в критических статьях Страхова выявляет и общественную позицию, и метод критика, для которого, по словам современного исследователя, «история русской литературы не только прогресс в формах и методах освоения жизни, но и сохранение и укрепление лучших национальных традиций».¹⁰ Необходимо уточнить: в первую очередь, пушкинских традиций.

¹ Штейнгольд А.М. «Чужое слово» в критической статье. / Лирическая и эпическая поэзия XIX века. Л., 1976. С.101-119.

² См. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. СПб., 1993; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979; Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художест. лит., 1975.

³ См. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. Воронеж: изд. Воронежского университета. 1991. Здесь приведена подробная библиография по вопросу.

⁴ Штейнгольд А.К. Ук. статья, С.103.

⁵ Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 137. Далее Страхов цитируется по этому изданию с указанием стр. в тексте.

⁶ Бахтин М. Слово в романе. / Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художест. лит., 1975. С. 156.

⁷ Там же. С.157.

⁸ Штейнгольд А.М. Ук. статья. С.115.

⁹ Там же. С.113.

¹⁰ Тихомиров В.В. Русская литературная критика середины XIX века: проблемы критического метода. Новгород. 1997. С.49.